

В 1964 году вся наша страна, все прогрессивные силы мира отмечали историческое событие - XX годовщину снятия блокады немецко-фашистскими войсками города Ленина. Партийная и профсоюзная организации и сотрудники Ленинградского Отделения Института Народов Азии АН СССР на личные средства изготовили мемориальную доску, посвященную светлой памяти сотрудников Института востоковедения АН СССР, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и в дни блокады Ленинграда.

Готовясь к знаменательной дате 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции, партийное бюро ЛО ИНА приняло в 1965 году решение: в дополнение к мемориальной доске составить "Памятную книгу" и привлечь к участию в её составлении сотрудников Отделения и других учреждений, знавших погибших ученых.

На этот призыв партийной организации горячо откликнулись коллеги, работавшие вместе с теми, чьи имена золотом высечены на мемориальной доске, а также и молодые ученые. Так возникла эта книга, рассказывающая о людях, их труде, мужественном поведении в тяжелые годы войны и достойно выполненном ими долге.

ЕЛКИНА
АННА ФОМИНИЧНА
(1875 - 1944)

Не только старые научные сотрудники ИВАН'а, но и все приходившие в него по делам, хорошо помнят маленькую аккуратную старушку, сидевшую за столом около входных дверей.

Она выписывала пропуска, вешала на доску номерки, выдавала корреспонденцию сотрудникам.

Неизменно вежливая, ровная в обращении со всеми, подходившими к ее столику, неторопливая и аккуратная, она работала четко как часы и всегда находилась на своем месте.

Уроженка г.Белоострова (родилась в 1875 году), 16-ти лет она начала свою трудовую жизнь домработницей, а в 1928 году перешла на работу вахтера в Азиатский музей.

С начала Великой Отечественной войны она работала по охране имущества Института, его книжных и рукописных фондов, осталась с этой целью в блокированном Ленинграде.

Ей было в то время уже 67 лет и она вполне могла бы эвакуироваться вместе со стариками и детьми, но Анна Фоминична рассудила иначе, она сказала: "Я человек одинокий, мне не для кого себя беречь. Пусть едут те, у кого есть дети, а я останусь. Может быть и моя старая жизнь пригодится Родине здесь в блокаде."

После полной эвакуации Института в Ленинграде на охране научных ценностей Института осталось всего пять человек и в числе них была Анна Фоминична. Жила она далеко от Института в районе ул.Восстания в Солдатском переулке, в доме № 6, кв.І, но никакие бомбежки и артобстрелы не могли удержать ее дома, и она, как и в мирное время, аккуратнейшим образом ежедневно была на своем месте.

В моей памяти сохранилось её неизменное спокойствие и уверенность в необходимости её работы, в том, что она находится на своём месте.

Когда замерзло паровое отопление и окончательно было заморожено помещение Института на Биржевой линии д.№ I, где он тогда помещался, уполномоченная Института языка и мышления Эрика Антоновна Якубинская взяла нас в одну из единственно отапливаемых двух комнат помещения института, в которой мы поместились вчетвером: Д.В.Семенов, А.Н.Болдырев, А.Ф.Елкина и я. Анна Фоминична топила печь и следила, чтобы в помещении была терпимая температура. Круглосуточные дежурства были через день и, боясь итти в пустую нетопленную квартиру, А.Ф. дежурила бессменно, ночуя тут же в рабочем помещении. При топке печи А.Ф. выгребала немного угля и мы ночью ставили самовар и немножко отогревались возле него.

Гитлеровцы донимали нас ночными бомбежками. В ночь бывало до 20-ти и более налетов. А.Ф. закутывалась в шаль и непременно шла с нами на наблюдательные посты. Никакие уговоры на нее не действовали. Она в свои 67 лет хотела принимать участие в обороне наравне с нами, хотя никто её к этому не понуждал, наоборот, мы оберегали её. Её исключительная сознательность не позволяли ей пользоваться возрастными преимуществами и оставаться в теплом помещении, когда мы дрогли на морозе.

Все стекла в помещении Института были выбиты взрывными волнами от бомбёжек и артобстрелов. Нам ежедневно приходилось помногу работать деревянными лопатами, выбрасывая сквозь проломы окон тонны снега, чтобы не стгноить весной при таянии наши бесценные книжные фонды, и Анна Фоминична из своих последних сил работала наравне с нами.

От непривычной тяжелой работы кровавые мозоли были на руках, пальцы ныли и болели ужасно и, что греха таить, не раз я приходила в крайнее отчаяние от этой непосильной работы, садилась на кучи наметенного снега и, рыдая, говорила: "Пропади все пропадом, я больше не могу продолжать эту чертову работу", но неизменно за моей спиной слышался спокойный, тихий старушечий голос: "Как можно говорить так, ведь это книги, в них собрано столько ума человеческого. Не будет нас, другие люди придут, им нужны будут эти книги." Становилось стыдно своего малодушия и я продолжала молча работать.

Помню, однажды, в феврале 1943 г. военные отпустили нам грузовик фанеры для замены выбитых стёкол. День был морозный со шквалистым и сильным ветром. Солдаты сбросили фанеру около входа в БАН, что находится с угла Биржевой и Тифлисской улиц. Налетел шквал и понес листы фанеры к Малой Неве. Я скомандовала моим двум старикам Д.В.Семенову и А.Ф.Елкиной: "Ложитесь на листы и придавите своей тяжестью". Но, увы, тяжести не было никакой. Д.В. как-то оказался под защитой угла здания и его отнесло с фанерой недалеко, а А.Ф. потащило на фанере к Малой Неве, где оставалась большая полынья. Тогда она решила соскочить с листа и удерживать его руками, но поставила лист как парус против ветра.

И, вот, на моих глазах, она с листом фанеры оторвалась от земли и полетела все выше и выше. С криком и плачем я бросилась её догонять, но на ногах были тяжелые валенки, а маленькую старушку уносило все быстрее и быстрее. Я кричала ей: "Брось фанеру! Бросьте скорее!" Но фанера была на вес золота и старушка судорожно вцепилась в нее и улетала на моих глазах. К счастью шквал несколько изменил направление и я смогла ухватить её за ноги, плюхнувшись вместе с ней и фанерой в сугроб, она сказала все тем же спокойным голосом: "А все-таки мы спасли этот

лист, им можно закрыть почти целое окно в магазине от снега."

Анна Фоминична не дралась с фашистами с оружием в руках, но это тоже был героизм, будничный незаметный героизм защитников Ленинграда.

Тяжелая изнурительная работа при непрерывном голодании подорвали слабые старушечьи силы. А.Ф.Елкина не дождалась победы, не дожидая снятия блокады. Она умерла 1 ноября 1944 года в госпитале для больных дистрофией, но для нас она останется в памяти навсегда, как пример самоотверженного служения на защите Родины в тяжелые годы блокады Ленинграда.

О.П.Петрова.